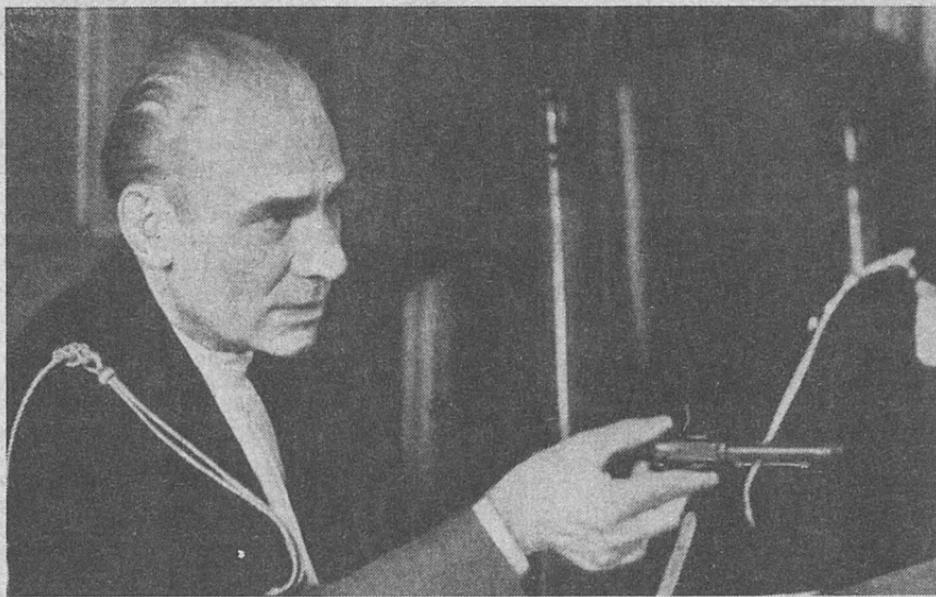

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОГО КИНО

«Антером номер один» итальянского кино несколько лет назад называли Джана Марию Волонте. Причем кино серьезного, проблемного, — хотя антер не гнушался играть и в комедиях, и в итальянских вестернах. Однако влекли его к себе прежде всего характеры людей сильных, смелых, хотя порой и противоречивых. Особенный успех принесла ему картина «Следствие по делу гражданина вне всяких подозрений», в которой он сыграл роль полицейского комиссара, сыграл остро, гротескно, показав человека жестокого и беспринципного, демагога и деспота. Именно в силу этих качеств он пользуется доверием начальства, а также ловко скрывает свое собственное преступление.

А затем были фильмы «Дело Маттеи», «Рабочий класс идет в рай», «Счастливец Лючано» и другие. Многие хорошо известны нашему зрителю. Потом наступила пауза — из-за болезни антер вынужден был уйти со съемочной площадки. И вот Волонте снова активно снимается в кино. Один за другим вышли на западный экран два фильма с его участием — «При открытых дверях» и «Три колонки газетной хроники». В первом он играет роль судьи, который в период расцвета фашизма в Италии отказывается приговорить к смертной казни убийцу и разоблачает подоплеку его преступлений — всю кровавую, коррумпированную фашистами систему. Во втором фильме рассказывается о буднях крупнейшей итальянской газеты, о сложных связях ее издателей с известными политиками, финансистами, экстремистскими организациями, наемными убийцами. Волонте играет роль главного редактора газеты. В интервью, данном еженедельнику «Панорама», он рассказывает о себе и о своей работе в кино.

Джан Мария Волонте:

НИ В ЧЕМ НЕЛЬЗЯ БЫТЬ УВЕРЕННЫМ

— Не кажется ли вам, что это несколько примитивно — решать задачу концентрации средств массовой информации в руках магнатов от печати через посредство убийств, снятых первым планом?

— Когда мне предложили сниматься в фильме «Три колонки газетной хроники», информационная проблема в странах Европы еще не приобрела такой остроты. Когда же это произошло, мы заметили, что фильм мог выйти за пределы прозрачных намеков на тот или другой конкретный случай, отразить острые проблемы, которые возникают в нашей жизни. А возникают они потому, что наше законодательство демонстрирует бессилие в издательской, финансовой, экономической, политической областях.

— Ваш герой по манере разговаривать очень похож на Гракси. Вы ему подражаете?

— Вовсе нет. Однако реальность неизбежно влияет на актера, он чувствителен к тому, что видит и ощущает. Часто манера поведения какого-то героя, не являясь копией чего-то существующего в жизни, отражает ощущения исполнителя, его реакцию на двусмысленность нашего времени.

— Двусмысленность. Вам нравится это слово, вы часто его повторяете. И вам удается сделать противоречивыми, двусмысленными тех героев, которых вы играете.

— Да, это так. Может быть, из-за пессимизма, который всегда присущ человеку мыслящему, может быть, на меня так повлиял мой собственный жизненный опыт. В определенный момент вдруг ощущаешь, что ни в чем нельзя быть уверенным. Например, профсоюзный деятель из фильма Мигеля Литтина «История одного убийства» мог бы сойти за народного героя, как говорится, за героя без страха и упрека. Но таковым он не может быть. Мучась и вопрошая собственную совесть, он приходит к выводу, что заставил и себя, и других делать совсем не то, что надо было.

— Если бы вам предложили участвовать в экранизации «Обрученных» Манцони, какую роль вы бы выбрали?

— Манцони.

— Но такой в романе нет...

— Есть, есть, и она позволяет поставить массу вопросов, о которых

стоит поразмыслить. Во всей моей карьере самым близким мне писателем был, может быть, Леонардо Шаца. Я снялся в четырех фильмах, сделанных по мотивам его произведений или по самим произведениям. Последняя лента — «При открытых дверях». Главный герой — судья. Я люблю играть роли людей, попадающих в сложные обстоятельства, когда нельзя действовать, подчиняясь импульсу, минутному впечатлению, когда надо все проанализировать, добраться до истины, как бы далеко она ни была упрятана. Я предпочитал такие роли с самого начала моей актерской карьеры.

— А когда это было?

— Это было в 1950 году, мне тогда исполнилось 17. Я работал в бродячем театре Теспи. Мы гастролировали по провинции, приезжали в какое-нибудь местечко и разбивали на площади наш театр. В репертуаре были в основном драмы из XVIII века, типа «Хозяина железных копий». Но мы ставили даже Д'Аннунцио. Каждый вечер мы давали новое представление — в нашем репертуаре было тридцать — сорок готовых спектаклей. Поработав в этом театре три года, я пошел учиться в Академию драматического искусства, потом — снова театр, а во второй половине пятидесятых годов начал наконец работать на телевидении: «Идиот» Достоевского, «Дядя Ваня» Чехова...

— Вы рассказываете о своей артистической карьере так, будто заполняете анкету. А встречи, друзья, интересные книги?

— Конечно, встречи, книги... Многие люди оказали решающее влияние на мое формирование. Например, величайший итальянский поэт Джузеппе Унгаретти. Когда я играл Ипполита в «Федре» Расина в переводе Унгаретти, он, выступая по телевидению, целую четверть часа говорил «об этом молодом актере». Я слушал его необыкновенный голос, и мне казалось, что он как бы гравировал каждое слово — как резец гравера наносит рисунок на хрусталь. А что касается кино, то здесь я имел счастье работать с такими режиссерами, как Элио Петри, Франческо Роззи...

— Это то, что называли «завербованным кино»?

— Это то, что надо назвать кино гражданским.